

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. И. ТЮМЕНЕВ, Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, 518 стр., 42 табл., 1 карта, тираж 2000 экз., цена 25 р. 50 к.

За последние десятилетия в историографии древнего Шумера появилось немало работ, посвященных отдельным вопросам социально-экономического развития. Однако эти работы, как правило, посвящены либо сравнительно узким темам, либо относительно кратким промежуткам времени. В этом отношении выгодно отличается рецензируемый труд акад. А. И. Тюменева: автор его стремится проследить процесс становления и развития государственного хозяйства древнего Шумера на большом отрезке времени (с конца IV тысячелетия и вплоть до XXI в. до н. э. включительно), выработать на основе марксистско-ленинской методологии цельное представление об общественно-экономических условиях Двуречья указанного периода.

Работа по изданию шумерских хозяйственных текстов продолжается уже свыше 60 лет (со времени первого издания клинописных текстов Британского музея в 1896 г.), но, разумеется, далеко еще не завершена, несмотря на плодотворную деятельность многих ученых (Рейзнера, Ферча, Кейзера, Бартона, М. В. Никольского, Лейгрэна, Лимэ и многих других). Постепенное накопление фактического материала подготовило почву для отдельных обобщений и выводов (Контено, Женульяк, Лейгрэн, Деймель и др.), причем в последнее время зарубежная историография стала уделять некоторое внимание и социально-экономической характеристике древневосточных обществ¹.

Однако в этой последней области первенство, несомненно, принадлежит советским ученым (акад. В. В. Струве, акад. Н. М. Никольский, акад. А. И. Тюменев, И. М. Дьяконов и др.), работы которых направлены на углубленное изучение и научную обработку уже полученных наукой материалов. Советским ученым удалось вскрыть основные закономерности развития древних обществ Передней Азии и прийти к единодушному признанию рабовладельческого характера этих обществ и их специфики, определяемой довольно устойчивым существованием сельских общин. Естественно, что по ряду более частных, хотя и важных проблем, среди советских ученых имеются серьезные разногласия. Так, акад. А. И. Тюменев отмечает, что в советской науке имеются в основном два направления, одно из которых выдвигает на первый план факт эксплуатации рабской силы (акад. В. В. Струве), и другое, которое сосредоточивает внимание в основном на свободных сельских общинниках (акад. Н. М. Никольский).

Однако автор рецензируемого труда навряд ли прав, утверждая (стр. 23), что указанные ученые, особенно акад. В. В. Струве, игнорируют все другие формы эксплуатации. Акад. А. И. Тюменев справедливо считает, что все формы эксплуатации надо

¹ См. например, R. Monier, G. Cardascia et J. Imbert, *Histoire des institutions et des faits sociaux des origines à l'aube du moyen age*, P., 1956; J. A. Wilson, E. A. Speiser etc., *Authority and law in Ancient Orient*, «Supplement to the JAOS», 74 (1954), № 3. Эти работы в рецензируемой книге не упоминаются, так как, вероятно, в момент подготовки книги к печати они еще не были доступны автору.

изучать в их совокупности, но и его собственная точка зрения в этом отношении грешит некоторой односторонностью. По мнению автора, государственные и храмовые хозяйства в древнем Двуречье покоились в основном на системе эксплуатации местного населения, положение которого приближалось к рабскому. Нам кажется, что здесь несколько недооценивается значение рабского труда.

Обработав грандиозный материал (тысячи документов и десятки исследований как советских, так и зарубежных ученых), акад. А. И. Тюменев нарисовал в общем убедительную картину развития от зарождения первых небольших примитивных храмовых хозяйств вплоть до расцвета крупных царских (государственных) хозяйств времен III династии Ура. При этом автор исходил из того положения, что в основе всей хозяйственной жизни древней Месопотамии лежал общественный труд по сооружению и содержанию в порядке ирригационной системы, что способствовало укреплению преимущественно общинной (а затем государственной) собственности на землю; это право верховной собственности, в свою очередь, являлось предпосылкой для возникновения крупных хозяйств в форме храмовых, затем энциальных и, наконец, царского (государственного) хозяйства, в которых использовался труд как местного, так и рабского населения страны (стр. 415).

В введении (стр. 3—25) автор дает критический анализ советской и зарубежной литературы по социально-экономическим вопросам вообще и по рассматриваемому вопросу, в частности. Нельзя не согласиться с автором в критике ходячих социально-экономических теорий буржуазных историков от Бюхера и Родбертуса до Зигеля и Мендельсона. Однако создается впечатление, что и в тексте «Введения» акад. А. И. Тюменев явно недооценивает значения тех многочисленных исследований зарубежных и советских ученых, результаты и материалы которых автор широко использует в своем труде. В частности, невозможно согласиться с акад. А. И. Тюменевым в том, что чуть ли не единственной заслугой нашей науки является *п о с т а в о в к а* (!) академиком В. В. Струве проблемы эксплуатации рабочей силы (стр. 15).

Сам труд акад. А. И. Тюменева является ярким свидетельством успехов мировой шумерологии в целом и особенно достижений советских ученых в анализе и осмыслении документального материала: такой обобщающий труд мог появиться только в результате предшествующих работ советских исследователей (в первую очередь В. В. Струве, Н. М. Никольского, П. М. Дьячкова и самого А. И. Тюменева).

Нельзя согласиться и с утверждением автора, что «представители буржуазной исторической науки с о в е р ш е н н о (разрядка моя.— Э. М.) не касаются проблемы эксплуатации рабочей силы» (стр. 15). Это неверно, например, в отношении книги П. Мендельсона², где вопросу о государственных и храмовых рабах посвящены две главы³.

Конечно, можно было бы показать серьезные недостатки этих глав, но игнорировать их полностью, разумеется, невозможно⁴. Не совсем оправдана и критика по адресу ряда издателей (Туро-Данжен, Хуссэй, Аллот де ля Фюи и многие другие) шумерских хозяйственных документов (стр. 10—11 «Введения»), от которых вряд ли можно требовать проявления специального интереса «к основным проблемам экономики», тем более что их труды относятся главным образом к периоду первоначальной публикации, собирания и систематизации документального материала. Несравненно важнее было бы дать анализ этих трудов с точки зрения их ценности как научных публикаций. Говоря о работах зарубежных ученых по социально-экономическим вопросам, нельзя было, по нашему мнению, полностью игнорировать и труды П. Кошакера, В. Корощеца и Н. Клина, посвященные отдельным вопросам древневосточного права.

² I. M e n d e l s o n, *Slavery in the Ancient Near East*, N. Y., 1949.

³ См. там же, стр. 92—106.

⁴ Тут же, на стр. 15, дается критика книги B. S i g e l, *Slavery during the Third Dynasty of Ur*, «*American Anthropologist*», 49, 1947, которую автор знает лишь по рецензии проф. И. К л и м а (JCS, V, 1951, 1, стр. 36 сл.). Нам кажется, что оценивать на основе подобных данных целый научный труд несколько неоправдано.

Первая часть труда акад. А. И. Тюменева посвящена зарождению и развитию храмового хозяйства периода Урука, Киша, раннего Ура и Шуруппака (конец IV тысячелетия — XXVI в. до н. э.). Детально анализируя имеющиеся в распоряжении науки довольно скудные материалы, автор выдвигает ряд новых положений как по общим, так и по многочисленным частным вопросам. По мнению автора, это — период становления классового общества, эпоха зарождения государства, процесс становления которого в это время еще не завершен. Здесь многие положения А. И. Тюменева, построенные на глубоком анализе фактического материала, не вызывают никаких возражений. Однако в отдельных случаях положения автора кажутся нам несколько сомнительными.

Так, убедительным представляется вывод автора, что приоритет общинной собственности на землю, основанный на коллективном труде членов общины по сооружению и поддержанию в порядке ирригационной системы, выразался вначале в номинальном признании божества верховным собственником земель общины (стр. 32—33) и что такое положение уже создавало предпосылки для возникновения в будущем храмовых хозяйств, которые разрастались и укреплялись за счет постепенного присоединения общинных земель и закабаления масс местного населения.

Однако определение общественного строя, данное в рассматриваемом разделе труда (стр. 63—65, стр. 121 и прим. на той же странице) недостаточно убедительно. Как видно, автор стоит на той точке зрения, что возникновение государства на древнем Востоке совпадает со временем установления деспотической власти. В данном случае мы считаем более правильной точку зрения, выдвинутую в свое время И. М. Дьяконовым⁵. Как показывают исследования последнего времени, становление государства на древнем Востоке не всегда (и не сразу) сопровождалось установлением деспотической формы правления (ср., например, длительное существование в Хеттском государстве *tulijas* и *rankus*). Поэтому сам по себе факт наличия «совета старейшин» и «совета мужей города» еще не говорит в пользу существования в древнем Двуречье данного периода родового строя, так как указанные органы первобытного общества, сохранившиеся по форме и названию, могли быть преобразованы по содержанию и приспособлены к условиям классовых общественных отношений и государства. Вопрос происхождения государства на древнем Востоке — сложный, далеко еще не решенный наукой вопрос. Одно бесспорно: возникновение государства в условиях древневосточного общества является столь длительным процессом, охватывающим нередко несколько столетий, что видеть четко и ясно конец первобытно-общинного строя и зарождение государства очень и очень трудно, а зачастую (ввиду скудости материалов) — просто невозможно.

При определении общественного строя древнего Урука акад. Тюменев вступает в полемику с И. М. Дьяконовым. Основным документом, на который при этом ссылаются оба автора, является один фрагмент эпоса о Гильгамеше, изданный в 1949 г. С. Крамером⁶. Однако, как нам кажется, этот документ не всегда подтверждает положения акад. Тюменева.

В тексте рассматриваемого документа мы встречаем имена двух правителей: Гильгамеша и Агги. Первый из них носит титул *en* (стк. 18, 40, 51),⁷ который в данном случае следует переводить «правитель, владыка»;⁸ а второй — *lugal* (стк. 81, 99) «царь». На наш взгляд, нет достаточных оснований думать, что здесь речь идет о представителях двух социально-экономических формаций — первобытно-общинной и рабовладельческой. Из рассматриваемого текста, как нам кажется, ясно видно, что мы

⁵ См., например И. М. Дьяконов, Государственный строй древнейшего Шумера, ВДИ, 1952, 2, стр. 13—37.

⁶ S. N. Kramer, *Gilgamesh and Agga*, AJA, LIII (1949), 1, стр. 1—18.

⁷ И. М. Дьяконов (ВДИ, 1952, 2, стр. 22), видимо, не совсем точно называет Гильгамеша «лугалем», чего, во всяком случае, нет в тексте данного документа.

⁸ См. Дьяконов, ук. соч., стр. 17.

имеем дело с весьма примитивным государственным строем, но все же не с первобытно-общинным.

Действительно, как видно из текста, послы Агги обращаются непосредственно к Гильгамешу, видимо, считая его главой государства. Правда, затем Гильгамеш запрашивает мнение «совета старейшин», но, не согласившись с этим мнением, в дальнейшем абсолютно его игнорирует. Таким образом, не может быть никакого сомнения в том, что Гильгамеш (еn «правитель, владыка») по своему общественному положению стоит выше «совета старейшин». Правда, он не может навязать ему своей воли, но, во всяком случае, располагает средствами, чтобы добиться удобного ему решения: он обращается к «мужам (*guruš*) города». Означает ли это, что этот последний орган обязательно стоял и над еn и над «советом старейшин»? Определенный ответ дать очень трудно. Однако можно предположить, что, не добившись своего в «совете старейшин», Гильгамеш действовал в дальнейшем уже «неконституционным» путем, решив добиться поддержки у самой массы народа.

Думается, что не следовало упускать из виду и форму диалогов Гильгамеша с представителями обоих «советов». Запрос Гильгамеша и ответ «совета старейших» похож скорее на диалог равных (правитель и знать), чего совершенно нет во втором случае. Обращение «мужей города» (стк. 25—48) говорит о большой разнице в общественном положении их и Гильгамеша, личность которого они непомерно возвеличивают, что вряд ли могло относиться к простому представителю первобытной общины (пусть даже на последней стадии ее развития).

Так или иначе, делать категорический вывод о существовании в этот период первобытно-общинного строя (хотя бы уже и разлагающегося), на наш взгляд, затруднительно.

Стремясь подтвердить тезис о доклассовом характере рассматриваемого общества, акад. Тюменев категорически отрицает рабское положение какой бы то ни было категории гурушей, хотя противоположный вывод просто напрашивается из тех фактов, которые приводит сам автор (см., например, о дворцовых, храмовых, городских гурушах, о беглых гурушах и т. д. на стр. 115). Даже гуруши, «идущие на войну» (стр. 112), не выглядят воинами в строгом смысле этого слова, составляя, по-видимому, лишь обслуживающий персонал войска. Кроме того, в этом отношении не лишено интереса и то обстоятельство, что одному и тому же надзирателю подчинялись и гуруши и *думудуму* (стр. 118) (правда, этих последних акад. Тюменев относит к категории рабов лишь условно — стр. 121).

Конечно, автор прав, когда на стр. 79 (прим. 7) говорит, что из простого факта упоминания имен, схожих с рабскими, при передаче земельных участков в обработку и в качестве наделов, не следует делать далеко идущих выводов, однако хочется, тем не менее, поставить вопрос: действительно ли мы имеем здесь лишь случайное совпадение имен, или, может быть, в данном случае речь идет о небольших пекулиях рабов, что вовсе не исключено в условиях древнего Востока.

Вторая часть рецензируемого труда (стр. 125—240) посвящена возникновению и развитию энсиального хозяйства, совпавшего, по мнению автора, с эпохой утверждения классового общества и государства в древнем Двуречье (период первой династии Ура, Лугальанды и Урукагины, акадской династии Саргонидов и гутиев, т. е. XXVI—XXII вв. до н. э.). По нашему мнению, данная часть книги наиболее удачна и в основном не вызывает возражений.

Первые две части рецензируемого труда представляются особенно ценными, поскольку они затрагивают вопросы, весьма мало исследованные.

Последняя (и, пожалуй, основная) часть труда акад. А. И. Тюменева (стр. 243—413) рассматривает вопросы, относящиеся к государственному (царскому) хозяйству времени третьей династии Ура (XXII—XXI вв. до н. э.). Этот период изучен несравненно лучше, нежели предыдущие. Поэтому автор, наряду с обилием фактического материала, столкнулся с необходимостью проанализировать и учесть мнения многочисленных исследователей. Нам кажется, что трудно не согласиться с характеристикой указанной эпохи, данной акад. Тюменевым, эпохи, когда процесс политического объединения

Двуречья сопровождался прогрессирующим развитием энциальных хозяйств, которые постепенно устанавливают между собой все более тесные контакты, приведшие в конечном счете к политическому и экономическому объединению всей области Двуречья. При этом в книге совершенно справедливо подчеркивается важность создания единой ирригационной системы для всей Месопотамии.

Хотелось бы только указать, что положение автора об использовании на ирригационных (и строительных) работах труда одних только общинников кажется нам не совсем убедительно доказанным (стр. 369), чему виной, в первую очередь, недостаток сведений первоисточников. Правда, автор располагает данными об эксплуатации группой на каких-то оросительных работах, но считает, что все это касалось исключительно работ, осуществляемых на царских и храмовых полях. Каким образом можно было на практике отделить труд, применяемый на общегосударственной ирригационной системе, от работ по орошению царских и храмовых земель, трудно себе представить. Поддержание в порядке всей центральной оросительной системы не могло быть компетенцией исключительно общины, тем более, что организация общественных работ на ирригационной системе являлась одной из важнейших функций центральной власти. В этом деле не могли не участвовать и персоналы царского и храмового хозяйств, ибо эти последние не менее общин нуждались в воде и не могли каждый раз ожидать помощи общинников, пусть даже привлекаемых в порядке государственной повинности.

Акад. Тюменев считает (и совершенно справедливо), что группы общинников, используемые на общегосударственных работах, возглавлялись особыми надзирателями — *uḡaḷa uḡi* (и *nubanda uḡi-me*), что акад. Струве переводит не совсем точно «надзиратели сельских общин». Автор предлагает новый перевод: «городской надзиратель» (стр. 375), «городской нубанда» (стр. 377). Нам хотелось бы предложить автору некоторое уточнение этого перевода: «общинный надзиратель», т. е. надзиратель от общины, т. е. надзиратель, назначаемый ею. Думается, что наш перевод согласуется с пониманием термина URU-*ālum*, выдвинутым в советской науке И. М. Дьяковым⁹.

Остановимся подробнее на общих проблемах, рассматриваемых в рецензируемом труде, и прежде всего на проблеме рабства на древнем Востоке вообще и в Шумере в частности.

В предисловии к своему труду (стр. 3) акад. Тюменев замечает, что в отличие от периода античности переплетение эксплуатации свободного населения и рабов на древнем Востоке ведет к тому, что современному исследователю зачастую трудно бывает различить грань между эксплуатируемым свободным бедняком и рабом в полном смысле этого слова.

Автор рассматривает древневосточное рабство как результат постепенного закабаления господствующим классом основной массы местного свободного населения и считает, что эти закабаляемые народные массы и составляли на древнем Востоке основной класс непосредственных производителей. При этом акад. Тюменев полагает, что закабаление шло в основном не по линии долгового рабства, а путем прямого принуждения. Долговому рабству, как и рабству военнопленных, автор отводит второстепенную роль. Второстепенное значение этих форм рабства на древнем Востоке определялось, по мнению автора, тем обстоятельством, что здесь, в отличие от античного мира, в распоряжении господствующего класса находилась рабочая сила всего населения страны¹⁰. Таким образом, тенденция общественного развития на древнем Востоке (несмотря на то, что труд собственно рабов не играл преобладающей роли) была направлена на формирование двух антагонистических классов — класса рабов и класса рабовладельцев. Классовые противоречия обострялись именно в этом направлении.

⁹ См. например, И. М. Дьяков, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949, стр. 18.

¹⁰ Особенно четко эта мысль проводится в статье акад. Тюменева, Передний Восток и античность, ВП, 1957, № 6, стр. 50—70.

Нельзя, однако, признать, что данная концепция автора получила в рецензируемом труде достаточное обоснование. Это и вполне естественно, так как книга посвящена только одному из вопросов социально-экономического развития Шумера, вопросу, который сам по себе является крупной научной проблемой. Трудно требовать от автора, проделавшего столь глубокую и колоссальную исследовательскую работу, чтобы он столь же серьезно осветил еще и такие проблемы, как хозяйственная жизнь общин, частновладельческое хозяйство и т. д. Из этих вопросов акад. Тюменев затрагивает только один — о привлечении общинников к несению государственных повинностей на строительных и ирригационных работах. Однако надо иметь в виду, что при решении проблемы о характере древневосточного рабства в целом или даже только рабства в древнем Шумере необходимо учесть не только данные о государственном хозяйстве, но всю совокупность вопросов социально-экономического развития Шумера, а также привлечь параллельный материал других древневосточных обществ, в некоторых аспектах более красноречивый, нежели шумерские документы хозяйственной отчетности (ср., например, данные о долговом рабстве в Алалахе и Аррапхе).

Частные положения автора в большинстве случаев серьезно аргументированы, однако изредка акад. Тюменев делает далеко идущие выводы на основании слишком скудных данных. Так, из упоминания в одном документе «старшего (главного) кузнеца» автор заключает о существовании некоей организации в ремесленном производстве (стр. 55).

Недостаточно убедительна и та реконструкция хозяйственной жизни ряда храмов, которую автор дает на стр. 167—169, используя крайне скудные и отрывочные данные источников. На основании темного текста, в котором упоминается какая-то стена, автор заключает, что здесь идет речь о привлечении труда общинников на общественные работы (стр. 374—375).

В отдельных местах своего труда акад. Тюменев умело использует данные археологических раскопок, например, публикацию «царских погребений» времен I династии Ура. Однако в целом археологический материал использован недостаточно. Это тем более бросается в глаза, что сам автор неоднократно говорит о трудностях интерпретации отрывочных данных письменных источников.

Наконец, несколько слов об архитектонике всего труда, которая кажется нам удачной не во всех отношениях, что, должно быть, связано, в первую очередь, с огромным количеством привлеченного автором материала. Ввиду этого автору не удалось избежать довольно частых повторений (что, кстати сказать, не ускользнуло от внимания самого акад. Тюменева). Само собой разумеется, что подобные повторения в научном труде зачастую неизбежны, но не всегда необходимы. На наш взгляд, даже появление целых глав (V, VII, VIII в третьей части книги) является излишним, ибо в них фактически не сказано ничего нового; все положения, выдвинутые тут, уже встречались в других местах труда, а привлечение некоторого дополнительного фактического материала не меняет существа дела и, во всяком случае, не оправдывает выделения этих вопросов в отдельные главы. Мы не говорим, что излишне было привлекать эти материалы, но они могли быть расположены в других (соответствующих) местах труда акад. Тюменева.

В целом рецензируемая работа акад. А. И. Тюменева, несомненно, является крупным шагом вперед по пути изучения древневосточного общества и его экономики, тем более, что по истории хозяйственного развития древнего Шумера, насколько нам известно, не существует трудов, сравнимых с работой акад. Тюменева по широте охвата проблем и количеству привлеченного материала. Ряд спорных (на наш взгляд) положений, конечно, вовсе не умаляет значение той колоссальной и скрупулезной работы, которая была проделана автором рассмотренной нами книги.

Э. А. Менабде